

Слово — спластанный, конденсированный конспектъ исто-
рії. Возьмите русское выраженіе *подлинный* (подъ линями),
подноготная — какое разнообразное значеніе давалось этимъ
словамъ въ разныя эпохи русской культуры. Старинное *пре-
лестъ* означало грѣховный соблазнъ. Еще Пушкинъ упо-
требляеть слово трудъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ обычный
теперь:

*Сулитъ мнѣ трудъ и горе.
Грядущаго волнуемаго море.*

Разбираясь въ толкованіи текстовъ съ лингвистической и
историко-филологической точки зрѣнія громадный трудъ, пред-
полагающій совмѣстную работу многихъ ученыхъ, поколѣній
и школъ. Но Толстой желаетъ до всего дойти самъ. Нужды нѣть,
если при этомъ приходится открывать америки и изобрѣтать
порохъ. Амфитеатровъ разсказываетъ въ своей статьѣ о
Толстомъ, какъ нашъ великий писатель прочелъ какъ-то
свою статью о деньгахъ проф. Чупрову и проф. Янжулу, и
крайне былъ удивленъ, когда узналь, что его статья блестя-
щѣ выражаетъ по данному вопросу давно устарѣвшія воззрѣнія
физіократовъ. Не удивительно, если и въ изученіи и толкованіи
евангелія Толстой не разъ открывалъ америку, а часто и ошиб-
ался. Толстой оправляется отъ канонического текста четвер-
таго пятаго вѣковъ, когда христіанство шло уже на бусирѣ у
римскихъ императоровъ и подпадало вліянію римскаго закона,
съ которымъ его сблизиль Павелъ. Но крѣпко держась за
евангельскій авторитетъ, Толстой не стѣсняется съ текстомъ.
Его методъ *возстановленія* подлиннаго текста въ высшей
степени оригиналенъ и простъ. Толстой создаетъ свое еван-
геліе не по авторитету откровенія, въ которое онъ не вѣ-
ритъ, а по сходству съ идеями добра у лучшихъ людей
мира — Моисея, Конфуція, Будды, Сократа, Паскаля, Спинозы,
Фейербаха, Лаотси, Марка Аврелия и др. Его толкованіе со-
вершенно свободно отъ гностицизма и мистицизма. Догмати-
ческие и мистические элементы отпадаютъ у него, какъ на-
росты, только вредящіе здоровому корню. Не будь ихъ, ду-
маетъ Толстой, и даже не будь Христа, то тѣ, которые тѣ-
перь считаютъ себя христіанами, были бы, можетъ быть, безъ
Христа лучшими христіанами. Итакъ Христа, какъ богоче-
ловѣка, Толстой не признаетъ, его евангеліе богооткровен-
нымъ не считаетъ. Но евангельскій текстъ, очищенный отъ
всего, что не согласно съ разумомъ, онъ считаетъ нужнымъ
привлечь для авторитетности своего ученія и своего толко-
ванія истинной религіи. Въ этомъ нельзѧ не замѣтить противо-
рѣчія. Догму и откровеніе Толстой отрицаєтъ, а текстъ цѣнитъ,
какъ незыблемый авторитетъ. Но при всемъ своемъ диллетан-
тизмѣ Толстой совершилъ все же громадный и цѣнныи трудъ.
Многія ошибки, подлоги, намѣренныя искаженія въ евангеліи